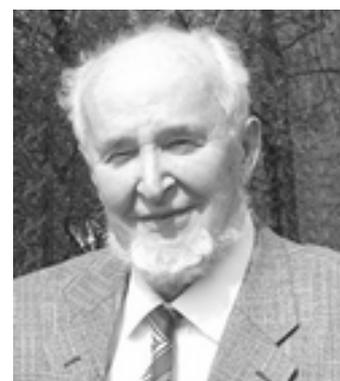

Сири́н и Алконо́ст. Песнь радости и печали. Худ. Васнецов В.М.1896

УДК 821.161.1+304.4

Чельшев Е.П.

Судьба культуры и путь России

Чельшев Евгений Петрович, доктор филологических наук, профессор, академик РАН, член Президиума РАН, сопредседатель Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заместитель председателя Совета по русскому языку при Президенте Российской Федерации, член бюро Индийского философского общества, член Азиатского общества (Калькутта)

В статье рассмотрены особенности русской культуры с точки зрения поисков её места в мировом контексте и её определяющего – консолидирующего – значения для будущего российской государственности. Дан спектр представлений об исторических путях России, сложившийся в первые постсоветские годы, проводится мысль о роли русской культуры в формировании общенациональной идеи, поднимается вопрос о необходимости объективной оценки всех пластов и периодов развития культуры Отечества.

Ключевые слова: русская культура, евразийская идея, общенациональная идея, культурные ценности, самобытность, мировой культурный контекст

Об отечественной культуре, ее прошлом и настоящем, о перспективах у нас не утихают споры. Нередко говорят о её кризисе. Мы постоянно ощущаем необходимость прояснить собственные позиции по принципиальным вопросам отечественной культуры, осознать ее роль и значение в мировом культурном контексте, необходимость уяснить и те характерные черты, которые отличали культуру России в ставшие достоянием истории 1990-е годы.

Не претендуя на исчерпывающее освещение всех проблем развития отечественной культуры, оста-

новлюсь лишь на некоторых, с моей точки зрения, принципиально важных ее аспектах.

Рассматривая современную культуру России, мы не можем хотя бы в общих чертах не определить истоки и природу ее *самобытности*. Начав складываться в период становления Российской империи, новая отечественная культура становится продуктом многоэтнической российской государственности. Становление Российской империи проходило на обширных территориях Европы и Азии. Но еще задолго до образования Российской империи на этих территориях формировалась евразийская общность населяющих ее народов. По словам П.Я.Чаадаева, «стихии азиатские и европейские перерабатываются в оригинальную Русскую цивилизацию»¹. Принципиально новым содержанием наполняется взаимодействие культур Востока и Запада в России, на территории которой столетиями создавался особый синтетический тип культуры, вобравшей в себя ценности многих населявших ее народов, принадлежавших как к западной, так и восточной цивилизации. Проблема эта, впервые осознанная славянофилами, оставалась в центре внимания и евразийцев в 20–30-е годы – Н.С.Трубецкого, Г.В.Флоровского, П.Н.Савицкого, Г.В.Вернадского, Л.П.Карсавина, многих других известных представителей русской науки в эмиграции, идеи которых нашли широкий отклик в русской культуре и общественной мысли. «Мы не только славяне и татары, мы и наследники великого Востока (Византии). Родина наша была и есть гигантский котел, столетиями вываривавший из смеси племен и рас нечто совсем свое и совсем особенное», – отмечал замечательный русский писатель Б. Зайцев².

Интеллектуальная элита России всегда имела интернациональный характер. «В жилах выдающихся деятелей русской национальной культуры, литературы, искусства, науки текла не только русская, украинская, белорусская, славянская, но и «инородческая» кровь. Это Антиох Кантемир и Дмитрий Туптало Ростовский, патриарх Никон и В.И.Даль, А.С.Пушкин и М.Ю.Лермонтов, М.Б.Барклай-де-Толли и П.И.Багратион... Но тон в этом многонациональном ансамбле всегда задавали русские. Осваивая обширные территории, русские, пробираясь к Тихому океану, принесли народам Сибири самое северное в мире земледелие, протянули самую длинную в мире железную дорогу, построили железные дороги в Царстве Польском, в Прибалтике, Финляндии, Закавказье. С передвижением границ на Запад и Восток русские люди способствовали распространению просвещения на окраинах России. А как формировался духовный облик простого русского человека? Любимыми книгами его были "Жития святых" и "Добротолюбие", когда на Западе с восторгом читали "Декамерон", – отмечает В.К.Журавлев³. Особую роль в России всегда играла литература. Она создавала духовный климат не только для русских, но и для всех народов, населяющих Россию. «Русская художественная литература – вот истинная философия, самобытная, блестящая философия в красках слова, сияющая радугой мыслей, облеченная в плоть и кровь образов художественного творчества. Всегда отзывчивая к настоящему, временному, русская художественная литература в то же время всегда была сильна мыслью о вечном, непреходящем; почти всегда в глубине ее шла неустанная работа над самыми важными, неумирающими и значительнейшими проблемами человеческого духа»⁴.

Я далек от того, чтобы идеализировать Российскую империю, были в ней и завоевательные войны, наряду с просвещенными правителями немало было и невежественных чиновников. Несомненно, что «длительная история взаимоотношений русского народа с другими народами и цивилизациями на обширных просторах Евразии полна драматизма и вместе с тем подлинного героизма, самопожертвования, взаимопомощи, сотрудничества и взаимной учебы... История не знает примеров большего самопожертвования одного народа, к тому же составляющего абсолютное большинство в стране, ради соразвития, сохранения и подъема малых народов и других цивилизаций. Что бы ни говорили националисты из прибалтийских стран, если бы у них хватило рассудка и объективности, то они должны были бы признать: не будь Курляндия, Лифляндия, Эстляндия так или иначе присоединены к России, ни литовцев, ни эстонцев, ни латышей ныне не существовало бы на этнической карте мира. Их ждала бы судьба пруссов – полное онемечивание... Ни одна народность малая или большая, которая вошла в состав Российской империи после татаро-монгольского нашествия, не исчезла с лица Земли, не утратила своей этнической самобытности»⁵.

Все эти мысли широко используются сейчас в обосновании идеи «нового евразийства». Однако против него как идеологии консолидации и идеологии мирного сожительства, соразвития и сопроцветания всех наций и народов, населяющих Россию, выдвигается весьма резкий и серьезный аргумент, который не может быть оставлен без должного внимания. Речь идет о том, что якобы «нынешнее евразийство – это способ отрицания России». Некоторые противники евразийской идеи, например, К.Мяло, считают ее хитроумной попыткой растворить в евразийском котле и великий русский народ и «великую русскую культуру»⁶. Мне близка душевная боль, с которой К.Мяло характеризует драматическую ситуацию в России, трагедии, переживаемые русским народом, которому пытаются внушать комплексы вины и «призывают к постоянным покаяниям за грехи свои и чужие», отмечает М.Л.Титаренко, полемизирующий с К.Мяло. В самом деле, провозглашаемая ею доктрина может быть истолкована и как поддержка откровенного русского национализма, строительства унитарного государства, что

¹ Чаадаев П.Я. Сочинения и письма / Под ред. М.Гершензона. М., 1913–1914. Т. 2. С. 192.

² Зайцев Б. Слово о Родине // Прометей. М., 1990. № 16. С. 374.

³ Журавлев В.К. Русский язык и русский характер. М., 2002. С. 13–16.

⁴ Волжский А.С. (Глинка). Из мира литературных изысканий. СПб., 1906. С. 300–301.

⁵ Титаренко М.Л. Россия лицом к Азии. М., 1998. С. 21–22.

⁶ Евразийская перспектива. М., 1994. С. 117.

противопоставит русских другим народам России, будет способствовать дальнейшей дезинтеграции нашей страны.

Евразийская идея подвергается еще большим нападкам со стороны радикал- демократов, считающих, что она равнозначна пропаганде «азиатчины», отсталости и оторванности от мирового прогресса. В критике такой точки зрения я согласен с А.С.Панариным, утверждающим: «Подобно большевикам, ставившим в 1917–1918 гг. интересы мирового социализма выше интересов российской государственности, наши западники любят демократию больше России, зачастую забывая, что если рухнет российская государственность, то в геополитическом пространстве Евразии, раздираемом национальной враждой и племенными войнами, будет не до демократии»¹. Сторонники евразийской идеи в России подчеркивают ее важное значение для судеб современного мира. Вдохновительная гипотеза евразийства, – пишет Панарин, – состоит в том, что судьба постиндустриальной эпохи в значительной мере зависит от судьбы России... Важно понять при этом, что евразийский проект предполагает не простую смену образов многоцентричного мира, – скажем, переход от всемирной гегемонии США к гегемонизму возрожденной евразийской сверхдержавы. Роль последней другая: защитить разнообразие мира, заслонить его от угрозы американизации... Миссия России – способствовать этому полицентризму путем создания противовеса моноцентричной модели, насаждаемой сегодня США².

Но как реально должна быть воплощена в жизнь евразийская идея, какой должен быть механизм ее реализации? На этот вопрос никто из сторонников евразийской идеи не дал еще ясного ответа. Лишь В.В.Кожин в конце своего доклада «Византийское и монгольское "наследства" в судьбе России» с горечью задает риторический вопрос: «Как же понимать в свете идеократической и евразийской природы России все то, что происходит с нашей страной в наше время?»³

Русский народ всегда играл консолидирующую роль в создании огромного многонационального государства, не претендуя на право «господствующей нации». Русский народ всегда был готов оказать помощь попавшим в беду соседям. Он никогда не жил за счет других, как это бывало в тех колониальных империях, где господствовавшие нации процветали за счет поработанных народов. Общеизвестно, что жизненный уровень в Финляндии, Царстве Польском, в Прибалтике, Бессарабии, Закавказье был выше, чем в исконно русских губерниях. «Стяжение духовного богатства традиционно считалось более высокой целью, чем стяжение материальных благ»⁴. Я думаю, что не нуждается в доказательстве и то, что в Советском Союзе жизненный уровень русских не был выше, чем у других народов страны. Единственный вывод, который напрашивается из вышеприведенных рассуждений – это бесспорное лидерство русской нации в многоголовом евразийском концерте. Каким бы ни было государственное устройство нашей страны, русская культура во многом будет сохранять в ней центрообразующее (но не господствующее) место в жизни ее народов. Именно от ее состояния во многом будут зависеть как оптимистические, так и пессимистические прогнозы нашего государственного развития. Вместе с тем альтернативой укрепления российской государственности на основе евразийской идеи может быть только дальнейшая дезинтеграция нашей страны. Поэтому «идеи нового евразийства и являются тем словом, той идеей, той новой парадигмой, которые станут основой сплочения, консолидации и расцвета Российской межцивилизации. Ее стержнем является великий русский народ и великая русская культура. Словом, реформирование России необходимо и возможно, но оно должно быть "укоренено" в национальную почву»⁵.

Между тем слово «русский», «русская культура» почему-то вытесняются у нас из употребления. «Хуже того, и "россиянин", и "российский", сейчас, может быть, как никогда употребляются крайне неточно, – отмечал в 1995 г. академик О.Н.Трубачев. – Небрежностью это можно назвать далеко не всегда и уж, конечно, не в тех случаях, когда оба слова – "россиянин" и "русский", – наделены отчетливой, идеологической, политической установкой – вытеснить, заменить слово "русский". Довольно длительное время вытеснению "русского" как известно, служило и великолепно использовалось "советское". Сейчас это прошло, но "русское", восстанавливается (если восстанавливается вообще!) с большими, искусственно чинимыми трудностями, и на сей раз препоны русскому возрождению чинятся весьма искусно с помощью ставших модными "россиянин" и "российский"»⁶. О.Н.Трубачев справедливо указывает на концептуальность атрибута "русский" (русский язык, русская литература, русская культура). «Всего этого, – говорит он, – с точностью не выразить словом "российский", не вызвав непоправимой подмены понятий, не совершив грубой языковой ошибки. Между словами "российский" и "русский" отсутствуют отношения взаимозаменяемости; "русский" – этнично, а "российский" благодаря своей прямой зависимости от России имеет сейчас свой, только ему присущий, административно-территориальный статус. В отличие от "русского" "российский" и "россиянин", к тому же, шире (может включать и нерусского россиянина, се-

¹ Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством) // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 6.

² Панарин А.С. Евразийский проект в глобальном миросистемном контексте // Россия в цивилизованном процессе. М., 1995.

³ См.: Кожин В.В. История Руси и русского Слова. (Опыт беспристрастного исследования). М., 1999.

⁴ Журавлев В.К. Русский язык и русский характер. С. 19.

⁵ Титаренко М.Л. Россия лицом к Азии. С. 51.

⁶ Трубачев О.Н. Русский – российский. История, динамика, идеология двух атрибутов нации // Российская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения. М. 1995. С. 34.

мантически расплывчатое (возможно, этим и привлекает мозги, работающие на "европейскую интеграцию"?). «Именно среди нынешних апологетов "российского" (за счет русского), – писал О.Н.Трубачев, – приходилось встречать деятелей, способных даже при обсуждении проекта закона о языках сначала – РСФСР, потом Российской Федерации поступиться и государственным и межнациональным статусом русского языка во имя порой совершенно мифических суверенитетов. Наблюдаемая рецессивность словоупотребления русский в пользу российского является плодом подобного просвещения. Пример – высокий государственный деятель в стране, на протяжении нескольких лет так и не решавшийся публично произнести слово "русский". Не дай бог кто-то может заподозрить в подыгрывании националистическим настроениям, обвинить в русофильстве и еще того хуже, в "национал-патриотизме!" В настоящее время у нас идет процесс оформления (в том числе и лингвистически) многонациональной общности (государственной) при ведущей и консолидирующей роли "русскости" и "русского" в государственной "российскости". При этом не следует "стыдливо умалчивать", о русской культуре, имеющей глубокие традиции, являющейся как бы камертоном для всего многоголосого многонационального оркестра культуры народов России или "российской культуры"»¹.

В этой связи у нас не могут не вызвать тревогу и озабоченность те негативные процессы, которые происходят в настоящее время в русском языке, являющемся основой русской национальной культуры, в течение сотен лет связывающем в единое целое народы России, завоевавшим высокое признание во всем мире. Кризисные процессы в русском языке в России стали особенно ощутимы уже в момент, когда мы готовились к 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина. По словам академика В.В.Виноградова, «Пушкин вывел литературный язык на широкий путь демократического развития. Он стремился к тому, чтобы русская литература и литературный язык впитали в себя основные культурные интересы и словесно-эстетические потребности русской нации и отразили их с необходимой широтой и глубиной»². Нельзя сказать, что у нас не принимаются различного рода меры по их сохранению и развитию русского языка: издаются научные труды, создаются различные советы, разрабатываются программы, проводятся конференции и т.д. Но все это, к сожалению, пока что оказывается недостаточно эффективным. Угроза, нависшая сейчас над русским языком, не менее серьезна, чем в послереволюционные годы. И как тут не вспомнить Александра Блока, который в 1921 г. писал: «Спаси русский язык от газет, улицы, специальной, иностранной терминологии, политических слов и обывательщины всех видов по-настоящему может гений, как Пушкин»³.

Интересный социологический анализ проблемы нашей самобытности в связи с обсуждением принципов и итогов реформ дал еще в 1995 году академик Г.В. Осипов. По его мнению, уже в то время закончился первый этап реформ, проведенный в точном соответствии с рекомендациями МВФ и на основе концепции чикагской школы в США. С точки зрения Осипова, реформы и достижения осуществлялись не на фоне роста материального и культурного благосостояния, и Россия по 19 важнейшим показателям «вышла за пределы красной черты», т.е. за ту черту, за которой «она может потерять свой суверенитет, свою самобытность, свою государственность». Речь идет о таких показателях, за которыми начинается деградация личности, общества, государства: деиндустриализация, стратегическая зависимость жизнедеятельности страны от импорта, превращение в мировой сырьевой придаток, разрушение интеллектуального потенциала, вымирание населения, неоправданная социальная поляризация, рост самоубийств. Вывод: «Сейчас мы уже во второй раз вступили в противоречие с общим ходом развития цивилизации: первый раз – в 1917 г., когда стали искусственно строить социализм в одной стране, и второй раз – сейчас, когда стали строить абсолютный рынок, устранив роль государства из экономического развития. В то время, как ныне во всех развитых странах роль государства в регулировании экономики чрезвычайно высока»⁴.

Причину сложившегося положения Г.В.Осипов видел в том, что, справедливо стремясь использовать опыт Запада, архитекторы реформы не учитывали, что Россия – это не Запад и не Восток, а «определенное Евразийское пространство, которое объединяет огромную территорию, огромное количество народов», что оно «имеет свою специфику, свою цивилизацию, свою культуру, свой менталитет»⁵. Таким образом, чем более глубокую трансформацию претерпевает наша жизнь, тем больше должна учитываться самобытность России.

Полагаю, что центральный вопрос наших творческих исканий состоит в том, существует ли российский, а также русский путь как один из возможных вариантов бытия мировой культуры. Это важнейшая проблема – поиск места русской культуры в мировом контексте. Однако выдвигая этот тезис, я понимаю, что он влечет за собой постановку ряда принципиальных вопросов. Можно ли говорить о «российском», о «русском пути» как об одном из плодотворных вариантов мировой культурной динамики, мирового культурного развития? Дает ли эта модель одну из приемлемых альтернатив синтеза мировых культурных универсалий и самобытных начал русской, всей российской культуры? На каких основаниях сегодня мы должны строить эту модель? Наконец, что мы сегодня должны понимать под «развитием», когда речь идет о мировой и отечественной культуре? Не могу не согласиться с высказанными еще 25 лет назад мыслями будущего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, считавшего, «что у России свое геополитическое предназначение, своя роль в мировом процессе. Она определялась не сегодня, за ней

¹ Там же.

² Виноградов В.В. Русский язык // Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т. 6. С. 522.

³ Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 430.

⁴ Осипов Г.В. Социология и политика. М., 1995.

⁵ Там же.

тысячелетняя традиция, построенная в том числе и на евразийском статусе нашей страны. Всему миру важно сегодня, чтобы эта историческая роль России не была утрачена». В отличие от тех, кто ратует у нас за интеграцию России в Западную Европу, выдающийся иерарх Русской Православной Церкви уже тогда решительно утверждал, что «этот огромный материал никуда интегрироваться не может без того, чтобы не сломать ту систему, куда он войдет». Что в результате такой интеграции «появится совершенно новая политическая, экономическая, духовная структура, которая многообразно перекроит не только европейское, но и все мировое пространство... Россия нужна всему миру как сильная и самостоятельная политическая величина, как некий полюс геополитики»¹.

Думаю, мы все единодушны в том, что решать эти проблемы в их национальном и мировом аспектах в наше переломное время можно только осмысливая соотношение прошлого, настоящего и будущего. Обратимся к прошлому, к культурному наследию России. Споры о нем, о его роли для развития современной культуры не только не утихают, но приобретают все более острый характер. И это понятно. Ведь это споры о культуротворческом потенциале нашей современной жизни, нашей культуры и, в большой мере, о ее будущем. Но прежде чем прогнозировать будущее, необходимо правильно оценивать прошлое. «Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим»², – говорил Пушкин. Отвечая П.Я. Чаадаеву на его безысходно мрачное Философическое письмо, великий русский поэт незадолго до смерти писал: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя. Но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории предков»³. Не менее актуально, чем в 1921 г., звучат сейчас обращенные к Пушкину слова Александра Блока:

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе.
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе.

Хочу остановиться на двух проблемах, связанных с наследием русской культуры. До последней четверти XX в. русская культура рассматривалась у нас в усеченном виде. В советский период, например, было принято игнорировать русскую культуру в эмиграции. Осознание этого побудило ученых Академии еще на рубеже 1980–1990-х гг. разработать научную программу «Культурное наследие российской эмиграции». Итогом первого этапа реализации программы явилось всестороннее обоснование мысли о том, что культура нашей страны развивалась и в стране и за ее пределами, а главное, о том, что культура России XX в. – это целостный феномен, в котором органически взаимосвязаны все ее составляющие, и правильное представление о единой русской культуре XX в. можно получить лишь путем сопоставления обеих ее ветвей.

Другой проблемой является оценка 70 лет истории отечественной культуры, развивавшейся в СССР. В спорах о ней сталкивается множество мнений: от ее отрицания до панегирического восхваления. Недостаток той и другой крайности состоит в том, что этот период российской культуры, из которого все мы вышли, зачастую исключается из состава культурного наследия. Но из песни, как говорится, слова не выкинешь. О негативных сторонах этого наследия написано и сказано так много, что сегодня и у отнюдь не «просоветских» исследователей появилось стремление объективно проанализировать феномен «советской культуры». Теперь чаще говорят именно о культуре «советского периода», указывая на ее многослойность, наличие в ней политически неангажированных гуманистических направлений, имеющих общечеловеческую значимость, о художественных произведениях, вошедших в золотой фонд не только отечественной, но и мировой литературы.

В отличие от ряда наших критиков – тотальных ниспровергателей прошлого, – некоторые литераторы-эмигранты точнее определяли художественную значимость культуры советского периода, водораздел, отделяющий, скажем, в советской литературе правду от фальши, писателей, художников, режиссеров-приспособленцев от подлинных мастеров. Их оценки истории советской литературы выглядят более взвешенными и объективными в условиях, когда некоторые советские писатели становятся сегодня объектом огульной критики. По словам Г.А. Адамовича, которого И.Бунин считал лучшим критиком русского зарубежья, в советской литературе «нетрудно различить между пафосом искренним и поддельным. Есть в некоторых русских книгах увлечение подлинное»⁴.

Нельзя не сказать и об отечественной гуманитарной науке советского периода. Одним из главных достижений последних лет стало высвобождение научной мысли и культуры от догматизма и крайней политизации. Однако абсурдно и аморально заменять ее другим догматизмом и другой политизацией, отказываясь от всего того позитивного, что накопили за годы советской власти наша культура и гуманитарные науки, перечеркивая труд многих ученых и деятелей культуры только потому, что они жили и творили в эти годы. К сожалению, современная критика советского периода в отечественной истории зачастую превращается у нас в огульное отрицание всего прошлого. В то время как, несмотря на идеологический диктат, жесткую цензуру и всяческие запреты, немало наших ученых и деятелей культуры сумело и в тот

¹ Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Сохраним свою самобытность и духовность // Евразия. Народы. Культуры. Религии. 1995. № 1(3). С. 85–86.

² Пушкин А.С. Собр.соч.: В 10 т. М., 1962–1966. Т. 7. С. 196.

³ Там же. С. 86.

⁴ Цит. по: Струве Г. Русская литература в изгнании. 2-е издание, исправленное и дополненное. Paris, 1984. P. 203.

период сохранить традиционные научные школы, уберечь гуманитарную науку и культуру России от разрушения и деградации и – более того – успешно их развивать. В условиях тоталитарного режима они отстаивали свои взгляды, создавали научные труды, свободные от догматизма и конъюнктурщины. Предстоит еще осмыслить, почему, вопреки неблагоприятным условиям, в которых оказались наши гуманитарные науки и культура в годы советской власти, они имели немало достижений.

Примечательно высказанное в 1967 г. мнение по этому поводу бывшего в те годы профессором Гарвардского университета Питирима Сорокина, которого, как известно, никак нельзя заподозрить в симпатиях к советской власти: «В настоящее время, – писал он, – уровень культуры и творческих достижений русского народа в области науки, технологии, философии, права, этики, литературы, музыки, живописи, театра и других областях культуры, бесспорно, не уступает уровню других стран Запада и Востока. В некоторых областях Россия несколько впереди, в других она лидирует, но в целом ее культурное творчество занимает сегодня второе место в мире и не уступает его никому». Второе место, определенное Питиримом Сорокиным, видимо, объясняется тем, что его работа «Основные черты русской науки в двадцатом столетии», из которой мы взяли цитату, была предназначена для публикации издающихся в США «Анналах Американской академии политических и социальных наук». Репрессированный, а затем высланный из Советского Союза как «враг народа», Питирим Сорокин ненавидел коммунистический режим; но ненависть его не была слепой, не заслоняла от него реальных достижений в развитии советской науки и культуры, поднявшихся до мирового значения.

Я обратился к мыслям Питирима Сорокина для того, чтобы еще раз подчеркнуть необходимость научного объективного подхода к оценке культуры. Отказываясь от старых суперполитизированных трактовок событий прошлого, явлений художественной культуры, нельзя впадать в другую крайность, пытаясь снова превратить русскую историю и культуру в служанку властей предрежащих, что-то незаслуженно разоблачать или возвеличивать, механически менять в своих оценках плюсы на минусы и наоборот.

Остро стоят и проблемы, так сказать, досоветской культуры, оценки различных эпох, явлений и деятелей многовековой российской истории. Обращение к наследию, как все это отлично понимают, дает возможность выяснить цивилизационные основы культуротворческого потенциала современной российской культуры. Хочу подчеркнуть, что, на мой взгляд, вне этого становятся беспочвенными любые попытки сформулировать «русский или российский путь» развития.

В размышлениях о русском пути всех нас, естественно, более всего волнует *настоящее и в особенности будущее русской и российской культуры*. Под развитием культуры России иные ныне понимают ее так называемую модернизацию. Отнюдь не отрицая этого процесса, я хотел бы тем не менее не согласиться с такой трактовкой, согласно которой важнейшее звено модернизации состоит в искоренении духовных устоев российской, русской культуры, в сведении ее будущих основ к голому прагматизму и индивидуализму, едва ли не к отрицанию самой потребности в идеалах, в духовных началах общества. Да и нет сегодня таких стран, государств и цивилизаций, которые лишали бы свои народы мечты, идеала, духовной перспективы.

«Мало опровергнуть прекрасную идею, надо заменить ее равноценным прекрасным», – говорил Ф.М.Достоевский устами одного из своих героев. Однако замена эта не может быть искусственной. Идеалы формируются в ходе историкокультурного развития общества, определяются представлениями людей о смысле, о совершенстве жизни, о предназначении человека. Их невозможно навязать людям директивно. Последнее обстоятельство уже привело в недавней истории нашего государства к тяжелым, трагическим последствиям. Но это не означает, что идеалов может не быть. Я согласен с одним из своих коллег: «Ныне Россия оказалась перед библейской проблемой: найти то единственное слово-идею, которая бы запустила процесс консолидации и создания Новой России, дав и ее лидерам, и народу путеводную нить, ясную цель, придав их деяниям осмысленный, созидательный целенаправленный характер»¹.

В науке, в мирозерцании людей, в обыденном сознании существуют различные представления о том, что может явиться основой вдохновляющей общенациональной идеи в современной России. Ее не раз пытались сформулировать различные политические деятели и ученые. Определение ее во многом зависит от понимания общей перспективы социально-экономического, духовного развития России в современном мире. По этому вопросу, как известно, существует много различных, взаимоисключающих точек зрения.

Одни говорят, что мир движется от доиндустриального к постиндустриальному обществу, от многообразия к универсализму, говорят, что мир не может жить в системе многообразия, никогда не жил в нем; что Россия никогда не жила так; что в основе должны лежать некие монистические ценности, которым следует подчинить систему знаний, приоритетов в этой области и даже систему навыков и умений.

Могу привести для примера широко известный взгляд о роли православия в духовной жизни России. Есть горячие сторонники того, что развитие культуры, общественного сознания должно ориентироваться на религиозные духовные ценности.

Есть ученые, считающие единственным основополагающим принципом науки, формирующим наши идеалы, материалистическое мировоззрение, в том числе социалистического, коллективистского типа. Третьи говорят только о буржуазном, эгоцентрическом, даже эгоистическом идеале. Четвертые полагают, что в

¹ Титаренко М.Л. Россия лицом к Азии. С. 48.

выборе пути культурного развития страны следует опираться на общечеловеческие ценности, что якобы ценности национальной, прежде всего русской истории, для нашей страны не столь существенны. Есть сторонники точки зрения, согласно которой только национально ориентированное сознание дает полноту духовной жизни и должно служить основой развития культуры и ее идеалом. Иногда даже утверждают, что вообще никакие принципы и идеалы не нужны; достаточно некоего ползучего прагматизма и эмпиризма, по преимуществу ориентированного на биологический, естественнонаучный подход.

Суждений много, и приоритеты каждый выбирает по-своему. Их выбирает не только государство, но и политические партии, общественные движения, различные конфессии. Их выбирает каждый человек. Мы живем в системе многообразных предпочтений или многообразия предпочтений. Найти в этом некое единство – чрезвычайно трудная задача. Ясно одно: есть общечеловеческие принципы, которые роднят духовные смыслы, духовные цели, мирозерцания различных народов, различные религии, различные эпохи. Не буду вдаваться в дискуссию о том, были ли они заданы, возникли ли они сразу или постепенно вырабатывались человечеством. Важно отметить, что к началу второго десятилетия XXI в. они выработаны и в своих основополагающих чертах близки всем историческим общностям людей. Однако дороги к этим «духовным целям» различны у разных народов. Каждый народ идет к ним по своему пути.

«В русской истории сменилось несколько культурных эпох, отличных друг от друга не только ведущими идеями или ценностями, не только экономическими, государственными или идеологическими ориентирами, но именно ключевыми управляющими принципами миропорядка, смена которых означает радикальное переустройство самого культурного космоса. И хотя процесс этот происходит со свойственной жизни прихотливостью (противоречивостью), тем не менее в нем усматривается удивительный по своей строгости структурный закон»¹.

Мы живем в России, и так же, как любой другой народ, мы не можем абстрагироваться от тех традиций, от тех патриотических и национальных устремлений, которые в разных исторических условиях определяли сущность национальных идеалов. Авторы многих работ сейчас стремятся, разумеется, с благими целями, историю России, ее культуру как бы «вмонтировать» в общечеловеческий историко-культурный процесс для того, чтобы, с их точки зрения, реалистично определить место России во «всемирном концерте». Задача действительно благая, побуждения прекрасные, понять подобные мотивы можно. Они, по всей вероятности, связаны с тем, чтобы возразить против подчеркивания особой роли России в мировом сообществе, против представления о России как избранной земле, которая призвана спасти человечество и дать ему надежду на будущее. Авторы такого рода работ хотят, возможно, выявить объективное, подлинное место России в мировом контексте. Да, нам надо найти правильное понимание хода российской истории, судеб российской культуры. Однако все здесь сложнее, чем зачастую думают представители каждого из названных взглядов. Нельзя, например, не принимать во внимание взглядов Н.Бердяева, которого считают иногда своеобразным пророком катастрофического мироощущения в России. По мнению В.Пискунова «своей популярностью философ во многом обязан как раз этому сдвигу "русской идеи" в сторону трагизма»². Бердяев писал: «Русский народ не был народом культуры, по преимуществу, как народы Западной Европы, он был более народом откровений и вдохновений, он не знал меры и легко впадал в крайности»³.

В перечне «национальных болезней», которые привели к катастрофе России, И.Ильин упоминает: кризис русской религиозности, кризис русского правосознания, кризис военной верности и стойкости, кризис русской военной ести и совести, кризис русского национального характера, кризис русской семьи, великий и глубокий кризис всей русской культуры»⁴. Нас не может не тревожить, что перечисленные И.Ильиным «кризисы» в той или иной степени проявляются и в постсоветской России.

Главной опорой для русских эмигрантов стала национальная культура и русский язык, а общерусским их праздником был объявлен День русской культуры, названный И.Ильиным днем «присяги на духовную верность Родине», который отмечался в день рождения Пушкина.

Выбор оптимального пути развития России во многом зависит от наличия у российского общества общенациональной идеи. «Ясно: вся культура, во всех своих священных основах требует от нас исследования и новых, национально-русских ответов... И нашему народу предстоит встать из своего долгого унижения: покаяться в своих соблазнах и в своем падении, вновь утвердить свой национальный духовный лик и заткать новую ткань новой жизни. Это будет делом нескольких поколений, но оно будет осуществлено и достигнуто», – писал И.Ильин.

Общенациональные идеи в России, как правило, носили мессианский характер. Это концепция Москвы – Третьего Рима, особенно популярная в период образования Великорусского государства. Это мысль о Москве-центре, которой предначертано историей человечества совершить мировую революцию. Многие сегодня, обращая мысль к нашим великим предшественникам, также считают, что нынешняя эпоха в истории России нуждается в общенациональной идее. Есть и в наши дни немало людей; для которых полны глубокого смысла следующие слова: «Будет ли это – "Великая Россия"? Не есть ли необходимые условия подлинного "величия" – культурное творчество и национальное напряжение собственных сил? И

¹ Виролайнен М.Н. Структура культурного космоса русской истории: Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994. С. 12.

² Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. М., 1994. Т. 1., С. 37.

³ Там же. Т. 2. С. 205.

⁴ Там же.

могут ли это сделать иностранцы? Не будут ли они, скорее, всячески тормозить национальное возрождение, которое бы могло ослабить их значение в новой зоне "влияния"?)»¹.

Есть, однако, немало ученых и политиков, кто в 1990-е гг. в выдвижении общенациональной идеи видел лишь отрицательные последствия. «Во всем мире заметна тенденция к регионализации, – писал тогда историк А.О.Чубарьян. – Национальная идея буквально захлестнула мир: она рушит все и всяческие перегородки, прошлые установления; законы и границы, стремится выразить себя и в новой государственности... Исследователям предстоит рассмотреть XX век с точки зрения пока еще не вполне понятых и осознанных тенденций к национальному самоопределению и новому обращению к национальной идее, грозящему миру негативными, плохо предсказуемыми последствиями»².

Заслуживают внимания высказанные в тот же период мысли политолога В.Никонова. «Идеи демократии и рынка, – писал он, – поднятые на щит в качестве главных лозунгов "переходного периода", никак не тянут на национальную идею: ради них вряд ли массы будут класть свою жизнь или все силы на алтарь Отечества». В то же время автор выражал сомнение в возможности «сформулировать приемлемую для современной России национальную идею», будучи убежден, что при всей необходимости защиты русской самобытности, культуры, традиций России опасна этническая русская идея. Получалось так, что в нашей истории практически не было русской идеи, соединенной с идеей демократии. Россия – многонациональное государство, и выдвижение на первый план идей избранности и превосходства одного, пусть и численно доминирующего этноса, грозит развалом страны»³.

Мне, однако, представляется, что речь идет об идее как понятии в первую очередь духовном, мировоззренческом, но отнюдь не этническом. Русская идея, как она сформулирована у Ф.М.Достоевского, В.Соловьева, Н.Федорова и т.д., никогда не была этнической, никогда не несла в себе какого-либо противопоставления русских другим народам России, наоборот подчеркивала их объединительную миссию.

В этой связи еще раз хотел бы обратиться к мыслям, высказанным академиком Г.В.Осиповым. «Сейчас, – пишет он, должна быть выдвинута... новая русская идея, которая включала бы такую цель, как духовность, народовластие, державность. Духовность – это готовность людей жить для государства, для общества, где приоритет отдается духовным, а не материальным ценностям. Сейчас у нас, к сожалению, все сводится к материальным ценностям. С этим надо покончить.

Народовластие. Почему мы выдвигаем это понятие? Демократия у нас сведена только к выборам. В результате превратилась в средство манипуляции людьми... Речь идет о том, чтобы сам народ определял свою судьбу. А сейчас практически люди, которых выбирают, начинают работать против того народа, который их выбрал...

Державность не означает, что Россия якобы должна эксплуатировать, угнетать другие народы. Никогда таковой Россия не была... Россия никого не угнетала, а, наоборот, поднимала культуру, оберегала народы. Российский народ миролюбивый. И когда вопрос идет о державности, мы говорим о том, что народы должны объединиться на основе своего собственного волеизъявления... Россия – это совокупность огромных территорий, огромного количества этносов, народов. И вся эта разбросанность не может существовать вне жесткого, четкого централизованного управления.

Должны быть очень четко поставлены рамки территорий, которые входят в состав России. Если же будет идти процесс так, как он сейчас идет, то распад России будет неизбежен»⁴.

Все те, кто выдвигал «русскую идею» в интересах сплочения государства Российского, связывали с ней обоснование единства всех классов и слоев общества для блага отечества. Она воспринимается как оппозиция доктрине потребительского общества. Историческая значимость «русской идеи» в такой ее трактовке заключается в извечной мечте о справедливом общественном устройстве, о торжестве соборности, о равенстве прав и возможностей всех членов общества. «Русская идея» мыслится как призыв к возрождению правды, добра, духовной культуры, которая, как и в других странах, переживает кризис из-за безумных издержек научно-технического прогресса. «Русская идея», по словам Достоевского, «всечеловеческая», по словам Федорова – философия «общего дела»; это – принцип «всеединства» В.Соловьева.

Но и в такой гуманистической трактовке лежащая в основе возрождения России «русская идея» находит немало противников и у нас и за рубежом. Возможно, потому, что некоторые ее сторонники придают ей шовинистическое звучание, которое можно сопоставить с тем, как Фихте, например, в порыве религиозного энтузиазма убеждал немцев, что лишь они есть «избранный народ» в подлинном и мессианском смысле слова и только германцам доступна просветленная идеями «любовь к отечеству». Или с тем, как Гегель приходил к заключению, что именно «народный дух» германского племени, его Gemuth является высшей точкой развития мирового разума. Подобного рода рассуждения можно встретить и у ревностных сторонников русской идеи.

Многие считают, что на этом основании наша национальная идея должна быть денационализированной. Это должна быть идея «нации – государства», а не «нации – этноса». Это должна быть «идея Отечества» с большой буквы, прокладывающего свой путь к обеспечению счастья и свободы всем россиянам. Но надо согласиться с тем, что «наполнение этой идеи и, что еще более важно, отчеканивание ее простой и доступной формулы, ее становле-

¹ Там же. Т. 1. С. 97.

² Чубарьян А.О. История XX века // Вестник Российской академии наук. 1994. Июль. С. 564–565.

³ Никонов В. Национальная идея не чужда демократии // Российская газета. 1994. 27 сентября.

⁴ Осипов Г.В. Социология и политика.

ние как органической большинству россиян – дело исключительной сложности»¹.

Осмысливая свое прошлое, настоящее и будущее, пытаясь понять природу нашей самобытности и создавая наш идеал, нашу «идею», мы неизбежно стремимся вписать себя в мировой контекст. «*Культура России в мировом контексте*» – это проблема, без решения которой окажутся тщетными и поиски ответов на вопросы, настойчиво задаваемые нашей собственной культурой. К тому же, нельзя не понимать, что эти решения волнуют и мировое сообщество. Известно, например, что применительно к мировой культуре сегодня ставится вопрос о двух возможных моделях развития – модели неограниченного роста, сориентированной на беспредельное использование природных и человеческих ресурсов, и модели, "устойчивого развития", которая предусматривает бережное, осмотрительное обращение с истощающимися богатствами окружающего мира. Для России, с учетом ее прошлого и настоящего, этот вопрос приобретает особую значимость и актуальность. Названная проблема остается чрезвычайно острой и дискуссионной, требующей концептуального рассмотрения; тем более, что ее решение интенсивно переносится в сферу духовной деятельности и духовной культуры. И мировому сообществу отнюдь не безразлично, какую модель выберет Россия. Это – одна из важных причин того внимания, которое сегодня проявляют во всем мире к культуре нашей страны.

Другая причина состоит в том, что современная культурная жизнь России отличается, как говорилось, необыкновенной напряженностью духовных исканий, множественностью культурных течений, их проти-воборством, растущими претензиями каждого из них на единственное владение истиной и исключительность. Естественное сопоставление взглядов и полемика нередко переходят во взаимную нетерпимость.

Из общественной жизни исчезла монополия марксистско-ленинского, атеистического мировоззрения и основанная на нем идеологизация и политизация духовной культуры. Новая официальная и оппозиционная культура переживают период становления. В этих условиях в культуре пытаются активно утвердиться тенденции крайне негативного характера – беспредельный эгоизм, вседозволенность, национализм и расизм, спекулятивность и беспринципность, необузданная коммерциализация, некритическое восприятие худших порождений цивилизации. Эти тенденции не встречают должного отпора, они усиливаются, грозят захлестнуть сознание людей, разрушить основы нравственности и государственности.

Порой трудно обнаружить водораздел, отделяющий мнимые культурные ценности от подлинных. Плюрализм концепций это, с одной стороны, наше завоевание; но, с другой, какие-то ценностные приоритеты должны быть твердо сформулированы. Приоритеты эти не должны быть кем-то продиктованы и навязаны, а определены жизненной практикой и строго научными исследованиями.

Негативные тенденции не только дестабилизируют духовную жизнь России, но, будучи сопряжены с социальной, экономической и политической неустойчивостью в стране, нарастанием этнических и социальных конфликтов, возникновением проблем, связанных с ближним зарубежьем, экологическими бедствиями и разрушением культурного наследия, могут нанести непоправимый урон мировой культуре, сбалансированности мирового духовного развития.

Наконец, нельзя не видеть, что внимание мирового сообщества к будущему российской культуры определяется еще и тем, что в наши дни набирает силу процесс духовного обновления России. Речь идет о возрождении национального самосознания русского и других народов в историческом и современном аспектах, о выявлении факторов, сближающих культуры народов нашей страны, об общности исторических путей их становления и развития, об объединительной миссии русского народа и огромном консолидирующем потенциале русской культуры, об осознании роли русской культуры в культуре Евразии и мировой культуре в целом.

Культура России всегда была ярким и значимым компонентом культуры мировой. Российскую культуру издавна отличали неповторимое своеобразие и теснейшая связь с мировым культурным процессом, динамизм развития и устойчивость глубинных духовных традиций, прочное и плодотворное взаимопроникновение самобытных национальных культур, а также активных тенденций культурной консолидации народов, населяющих Россию.

Русская культура (в широком ее понимании) на протяжении по меньшей мере двух последних столетий была бесспорным лидером и для культур народов России и для культур ряда сопредельных стран. XX век отмечен сильнейшим воздействием русской культуры на культуры едва ли не всего мира (в области философии, литературы, музыки, живописи, архитектуры, театрального искусства).

Издавна сложились и актуальны в наши дни три направления культурологической мысли – «почвенническое», делающее акцент не только на самобытности, но и на исключительности русской культуры; «западническое», зачастую утверждающее, что русская культура зеркально повторяла и должна повторять исторический путь Запада; и направление, которое ориентировалось на возможности соединения, «синтеза» в русской культуре «самобытного» и заимствованного, преимущественно западного.

Полагаю, что необходимо всесторонне осмыслить позитивные стороны всех трех названных направлений. Суть дела заключается в том, что российская культура может быть определена как «*синтез на основе самобытности*». Русская культура от своих истоков и до сегодняшнего дня представляет собой глубоко самобытный цивилизационный комплекс, в котором общемировые универсалии сложились в неповторимом сочетании, обусловив тем самым действительно уникальный облик и сущность русской культуры.

¹ Никонов В. Национальная идея не чужда демократии.

При всей устойчивости основных черт облик русской культуры характеризуется открытостью, следствием чего явилось то, что русская культура не разумела себя как культура одного только народа и тем более как культура, созданная этим одним народом только «для себя». В силу внутренних причин, а также вследствие географического положения России ее культуру вполне допустимо понимать как особенную евразийскую культуру – с той лишь оговоркой, что в самой культуре невозможно, по всей видимости, произвести четкое и чистое разделение элементов на европейские и азиатские и что такой взгляд отнюдь не обязан совпадать с точками зрения и теориями так называемых «евразийцев».

Русская культура веками строилась на органическом единстве традиционных и новаторских начал, на открытости инонациональным воздействиям и включении их в качестве составных элементов в собственно русский культурный контекст; на своеобразии культурной динамики, соединяющей быстрые темпы создания и усвоения нового с относительно медленными темпами его укоренения и распространения; на своеобразии смены культурно-исторических эпох – преобладании так называемых эпох переходных, в которых сосуществовали пласты прошлого, настоящего и будущего, образующие противоречивый, но неделимый культурный синтез.

В настоящее время в самой России и во всем мире возрастает понимание того долго недооцениваемого факта, что русская культура представляет собой своеобразный тип, своеобразный феномен мировой культуры, в котором общемировые универсалии исторически отбирались и складывались в неповторимо самобытном сочетании. Этим определялись соотношения сфер культуры (философии, литературы, искусства, науки, техники и т.п.), ее официальных и оппозиционных, массовых и элитарных, фольклорных и профессиональных пластов, связь культуры и религии, культуры и природно-территориальных факторов, культуры и политики (в особенности культуры и государственной жизни, культуры и жизни церковной), культуры и экономики, культуры и социальной среды, культуры и идеологии. Достаточно сказать, что проблемы государственности и власти, отношения к религии, социальной справедливости, взаимоотношений интеллигенции и народа, насилия и ненасилия всегда играли первостепенную роль в духовной жизни русского общества.

Совершенно очевидно, что эти идеи носят дискуссионный характер. В настоящее время по инициативе Отделения литературы и языка Российской Академии наук осуществляется Международная научная программа «Русская культура в мировом контексте», и в ее составе Международный научный проект «Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX–XX вв.». Участники этой программы надеются, что им удастся продвинуться в решении названной проблемы.

В этой статье, как можно заметить, нет окончательных выводов. Я не предлагаю абсолютных истин. По русской культуре во всех областях гуманитарного знания ведутся обширные исследования отечественными и зарубежными учеными, продолжаются и острые споры. В настоящее время становится возможным объединить усилия российских и зарубежных специалистов, обобщить и во многом по-новому осмыслить имеющийся материал. Этому благоприятствует тот факт, что впервые открыты целые пласты новых материалов, и могут быть реализованы идеи, которые прежде находились под запретом. Хотелось бы думать, что поставленные здесь вопросы дадут пищу для дальнейших размышлений нашим ученым, занимающимся вопросами отечественной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А.А. Собр.соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6.
2. Виноградов В.В. Русский язык // Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т. 6.
3. Виролайнен М.Н. Структура культурного космоса русской истории: Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994.
4. Волжский А.С. (Глинка). Из мира литературных изысканий. СПб., 1906.
5. Евразийская перспектива. М., 1994.
6. Журавлев В.К. Русский язык и русский характер. М., 2002.
7. Зайцев Б. Слово о Родине // Прометей. М., 1990. № 16.
8. Кожин В.В. История Руси и русского Слова. (Опыт беспристрастного исследования). М., 1999.
9. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Сохраним свою самобытность и духовность // Евразия. Народы. Культуры. Религии. 1995. № 1(3).
10. Никонов В. Национальная идея не чужда демократии // Российская газета. 1994. 27 сентября.
11. Осипов Г.В. Социология и политика. М., 1995.
12. Панарин А.С. Евразийский проект в глобальном миросистемном контексте // Россия в цивилизованном процессе. М., 1995.
13. Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством) // Вопросы философии. 1994. № 5.
14. Пушкин А.С. Собр.соч.: В 10 т. М., 1962–1966. Т. 7.
15. Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья: В 2 т. М., 1994.
16. Струве Г. Русская литература в изгнании. 2-е издание, исправленное и дополненное. Paris, 1984.
17. Титаренко М.Л. Россия лицом к Азии. М., 1998.
18. Трубачев О.Н. Русский – российский. История, динамика, идеология двух атрибутов нации // Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения. М. 1995.
19. Чаадаев П.Я. Сочинения и письма / Под ред. М.Гершензона. М., 1913–1914. Т. 2.
20. Чельшев Е.П. Избранные труды: В 3 т. / Е.П.Чельшев; Отделение лит. и яз. РАН. М., 2001–2002.
21. Чубарьян А.О. История XX века // Вестник Российской академии наук. 1994. Июль.